

Научная статья
УДК 394.9; 338.48
doi: 10.17223/2312461X/46/8

Обмен и долг у короваев Новой Гвинеи: этнография одного конфликта

Екатерина Михайловна Белякова¹

¹ *Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН,
Санкт-Петербург, Россия, belyakova.kunstkamera@gmail.com*

Аннотация. Описывается конфликтная ситуация между короваями Новой Гвинеи и канадской съемочной группой. События разворачиваются в контексте коммодификации коровайской культуры, часто представляемой как одна из последних «первобытных». Взаимоотношения сторон рассматриваются в рамках экономической антропологии через такие категории, как дарообмен, долговые обязательства, реципрокность, немедленный и отложенный возврат. Целью работы является анализ представлений короваев об обменных отношениях и концепции долга в конфликте, обнажившем глубокие различия между локальной системой ценностей и «модерной» логикой представителя западного общества, действующего в рамках принципов неолиберальной экономики. На примере межкультурного взаимодействия прослеживается, как выстраиваются экономические отношения между короваями и чужаками и чем они отличаются от отношений внутри сообщества. Особое внимание уделяется роли долговых обязательств в формировании и структурировании социальных связей и тому, как они соотносятся с основными ценностями короваев – социальной автономией и стремлением к равенству. Использованы материалы, собранные автором в период с 2014 по 2016 г. во время полевой работы среди короваев в индонезийской провинции Папуа.

Ключевые слова: долг, обмен, экономическая антропология, Папуа, эгалитаризм, туризм, коммодификация культуры

Благодарности: за помощь в работе над текстом, ценные предложения и конструктивные замечания я искренне благодарна Александре Касаткиной, Валерии Васильевой, Елене Полуэктовой, Е.В. Ревуненковой, Ю.Е. Березкину, а также участникам Аспирантского семинара ЕУСПб: Екатерине Хониневой, Александре Засядько, Екатерине Кольчевой, Илье Крапивину, Юлии Секушиной и Степану Петрякову. Я выражаю глубокую признательность главному редактору журнала «Сибирские исторические исследования» Д.А. Функу за возможность публикации и оказанную поддержку в процессе подготовки статьи, а также М.В. Станюкович за неоценимую помощь и всестороннее содействие.

Для цитирования: Белякова Е.М. Обмен и долг у короваев Новой Гвинеи: этнография одного конфликта // Сибирские исторические исследования. 2024. № 4. С. 181–211. doi: 10.17223/2312461X/46/8

Exchange and Debt among the Korowai of New Guinea: Ethnography of One Conflict

Ekaterina M. Belyakova¹

¹ *Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the RAS, Saint Petersburg, Russia, belyakovaem@kunstkamera.ru*

Abstract. The article describes a conflict between the Korowai of New Guinea and a Canadian film crew. It unfolds in the context of the commodification of the Korowai culture, which is often presented as one of the last remaining examples of so-called ‘primitive’ cultures. The relationships between the parties are examined within the framework of economic anthropology through categories such as gift exchange, debt obligations, reciprocity, immediate and deferred return. The aim of the work is to analyze the Korowai understanding of exchange relations and the concept of debt in a conflict that highlighted significant differences between the local value system and the “modern” logic of a representative of Western society operating within the principles of neoliberal economics. Using the example of intercultural interaction, the paper shows how economic relation are established between the Korowai and outsiders, and how these differ from relationships within the community. Particular attention is paid to the role of debt obligations in the formation and structuring of social ties and how they relate to the core values of the Korowai—social autonomy and the pursuit of equality. The article is based on materials collected by the author during fieldwork among the Korowai in the Indonesian province of Papua from 2014 to 2016.

Keywords: debt, exchange, economic anthropology, Papua, egalitarianism, tourism, cultural commodification

For citation: Belyakova, E.M. (2024) Exchange and Debt among the Korowai of New Guinea: Ethnography of One Conflict. *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 4. pp. 181–211 (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/46/8

Здравствуйте, Г! Как поживаете?

Я вернулась из Папуа и пишу Вам, как и обещала. Я пересказала г-ну Они¹ и его родственникам всю ту информацию, которую Вы хотели, чтобы они знали. Я перевела Ваше письмо, и тот факт, что Вы не забываете об этом деле, воодушевил г-на Они и его команду. Но мне дали понять, что со времени последнего разговора с Вами дело не стало более определенным. Кроме того, Ваши слова о приезде только в 2017 году (даже в самом худшем случае) повергли всех в уныние. Общая реакция на Ваше письмо (я перевела его короваям) такова:

– Они понимают, что получить деньги на ваш проект не так-то просто (тем более что короваи судят об этом по своему миру, где получить такую сумму действительно очень сложно).

– Они сохраняют терпение и могут подождать некоторое время, поскольку Вы не предлагаете им ничего другого.

– В то же время они не понимают, почему Вы заставляете ждать оплаты за уже выполненную работу, и не могут не чувствовать несправедливости по отношению к ним в этой ситуации.

– Они согласились с отсрочкой полной оплаты, но г-н Они не предполагал, что она будет задержана на несколько лет. Поэтому они выразили свое недовольство и недоверие Вам и, кстати, теперь уже всем канадцам.

Подводя итог, г-н Они и его родственники передали следующее: если Вы приедете, как и обещали, и вернете долг, то можно будет строить планы на продолжение сотрудничества, и никто не будет на Вас обижен. Но если же нет, то короваи никогда не позволят людям из Канады приезжать на их земли.

Фрагмент текста из моего письма
канадскому режиссеру от 29 апреля 2016 г.

Так звучало послание, которое группа короваев попросила меня передать одному канадскому кинорежиссеру, когда по стечению обстоятельств я стала свидетельницей последствий их конфликта, происходившего на коровайской территории в южной части индонезийского региона Папуа². Как могло случиться, что маленькая группа людей из лесной глуши Новой Гвинеи делает такой ультимативный жест в сторону целой нации?

В статье рассмотрена динамика этого конфликта в контексте взаимодействия между короваями и чужаками, приезжающими к ним, благодаря туристической индустрии, превращающую коровайскую культуру как одну из последних «первобытных» в товар. В приведенном выше отрывке письма уже проявляются классические для экономической антропологии сюжеты, такие как неравный обмен, отложенный возврат, невыполненные обязательства, отношения иерархии, нарушение баланса. Заметны также неоднозначность послания короваев и противоречивость их позиции.

Все это становится актуальным в контексте более специфичных вопросов: как выстраиваются экономические отношения между чужаками и короваями и чем они отличаются от отношений внутри сообщества? Как долговые обязательства структурируют и конструируют социальные отношения и где в этой схеме случилась поломка в случае долга иностранца? Как регулируется нарушение долговых обязательств? И как оно регулировалось в этом случае?

Таким образом, целью данного исследования стал анализ представлений об обменных отношениях и концепция долга короваев сквозь призму одного конфликта, обнажившего перед исследователем их резкий контраст с «модерной» логикой представителя западного общества, руководствующегося принципами неолиберальной экономики.

Описываемый случай является одним из примеров того, как происходит столкновение разных культур в условиях экономических трансформаций в этом регионе, а также того, как коровайское общество адаптируется (или не адаптируется) в таких ситуациях.

Общий контекст: особенности контактов короваев с чужаками

Этнографическая история, которая станет предметом обсуждения в статье, происходила в период моей полевой работы в провинции Папуа Республики Индонезия, расположенной в западной части острова Новая Гвинея. В период с 2011 по 2016 г. я предприняла пять экспедиционных выездов в Папуа. Причиной регулярности моих экспедиций в тот период было то, что во время первой поездки я узнала о скором наступлении стремительных преобразований, связанных с планами правительства Индонезии по всестороннему развитию региона Папуа, в частности его инфраструктуры. Такие перемены сильнее всего должны были затронуть наиболее труднодоступные районы, одним из которых является тот, где живут короваи – относительно малочисленная группа (около четырех тысяч человек), которая рассеянно расселена в низких болотистых землях юго-западной части острова. Поскольку мой исследовательский интерес в этом регионе связан с традиционными обществами, мне важно было наблюдать процесс возможной трансформации культуры в динамике. Действительно, при каждом выезде в поле я видела все новые изменения в экономической, социально-политической, информационной сферах и то, какое влияние оказывают на людей эти изменения, как люди реагируют на постоянно меняющуюся среду.

Земля короваев расположена на участке дождевого тропического леса (около 1200 км²) в глубине южной части острова и ограничена с двух сторон крупными реками Эйланден и Дигул, а с севера – подножием Центрального горного хребта. Географическая удаленность от побережья и от крупных поселений, особенности ландшафта, связанная с этим труднодоступность, а также специфика рассеянного расселения короваев по лесу позволили им избегать взаимодействия с чужаками дольше, чем большинству этнических групп Папуа. По тем же причинам, короваи не утратили свою территорию, доступ к природным ресурсам и привычным практикам жизнеобеспечения. Земли большинства живущих южнее этнических групп попали под перераспределение, связанное с трансмиграционной программой, активно осуществлявшейся Индонезией в 1970–1980-х гг., урбанизацией прибрежных территорий, отчуждением земель под плантации масличной пальмы и добычей полезных ископаемых.

Только в 1979 г., когда у южной границы их земли³ на территории соседней языковой группы комбаи обосновались голландские миссионеры, начались первые регулярные контакты короваев с внешним миром⁴. Вскоре на территории, где жили смешанные переходные комбайско-коровайские кланы, с их разрешения была построена деревня Янирума, которая в дальнейшем стала главными «воротами» для журналистов, туристов

и исследователей⁵, желающих посетить короваев. Попытки христианизации и аккультурации короваев сопровождались сложностями, связанными с особенностью социального (политического) устройства коровайского общества, характеризующегося автономией каждой родовой (клановой) группы⁶. Такое устройство не давало чужакам продвинуться в глубь леса, и потому долгое время регулярные контакты с короваями происходили на приграничных участках их земли. Так, через 20 лет после первых контактов с короваями еще не было ясно, где проходит северная граница их территории (Enk van, Vries de 1997: 4–7).

В 1980-х гг. при участии христианских миссий прошла первая волна строительства типовых деревень, многие из которых долго стояли пустыми, а часть из них так и остались незаселенными. Однако под влиянием миссионеров, а позднее и властей короваи стали селиться в деревнях на берегах двух крупных рек у границ своей территории, тогда как традиционно они не жили на таких открытых пространствах, доступных для нападений со стороны их соседей читаков и асмагов – охотников за головами. К началу 1990-х гг. было сформировано шесть таких деревень. Сегодня на территории короваев располагается более тридцати деревень, построенных в разное время по инициативе миссионеров или государства, а в последние годы и самих короваев. На момент описываемых событий часть семей по-прежнему жила в лесу в домах на деревьях, а часть регулярно перемещалась между своими клановыми землями и деревнями.

Традиционно короваи расселяются небольшими патрилинейными семейными группами (часто не более 10 человек) на клановых владениях (*bolup*)⁷, которые представляют собой участки леса со всеми необходимыми для жизни ресурсами и на которых находятся священные места каждого клана. Земля клана неотчуждаема и ее владельцы тесно связаны со своим местом, которое определяет их как общность (*gun*), отличную от других. Территория короваев поделена на многие десятки *bolup*. По мере выработки пищевых ресурсов⁸, важнейший из которых – саговая пальма, и при необходимости переезда в новый дом короваи меняют место в пределах клановых территорий. Перемещаться по лесу возможно только пешком, поскольку маленькие реки и ручьи, которыми изрезан ландшафт, не пригодны для судоходства⁹. Если по земле своего клана люди свободно передвигаются в поисках пищи¹⁰ и по другим рутинным делам, то выход за ее пределы обусловлен сложной системой социальных связей, основанных как на родстве, так и на обменных и долговых отношениях.

Представления короваев об обмене и долге необходимо рассматривать в контексте политического устройства их общества, в котором не существует центральной власти в каких бы то ни было институализированных формах и которое характеризуется как эгалитарное. Джеймс

Вудберн, исследовавший эгалитарные общества, определяет их как стремящиеся к равенству и систематически преодолевающие состояния неравенства и иерархии. Он подчеркивает, что состояние равенства не является нейтральным и требует постоянных значительных усилий и специальных уравнивающих мер. Вудберн классифицировал такие общества на общества с системами немедленной отдачи и общества с системами отсроченной отдачи (Woodburn 1982). У короваев срок отдачи зависит от контекста, в котором происходит обмен, и должен соответствовать ожиданиям принимающей стороны, чтобы избежать конфликта.

Чувствительность к неравенству не позволяет людям накапливать вещи, излишки тут же раздаются добровольно или по требованиям. Обязательство делиться компенсируется территориальным и социальным разделением. Автономия короваев снижает вероятность зависти и недовольства от посторонних и позволяет распоряжаться ресурсами своей земли, не вступая в зависимые отношения с кем-либо. Тем не менее люди высоко ценят социальные связи и особенно связи с дальними кланами, расширяющими их пространственную свободу. Руперт Стэш определяет политическую автономию и эгалитаризм как базовые ценности короваев (Stasch 2009). При этом неравенство систематически проявляется в тех или иных контекстах.

Иерархия у короваев возникает ситуативно. Статусы распределяются в зависимости от того, кто на чьей земле находится, кто по отношению к кому является должником. Кроме того, наиболее агрессивный и сильный мужчина может на некоторое время посредством действий и угроз применения силы завоевать соответствующий статус, который позволит ему беспрепятственно проявлять свою волю. Автономия короваев также заметно проявляется в том, что люди вольны действовать без оглядки на других, руководствуясь своими мыслями и чувствами. Для заявления своих прав на желаемое мужчины-короваи могут проявлять агрессию и в решении спорных вопросов при отстаивании своих требований часто прибегают к насилию, несмотря на то что эти требования могут нарушать принятые моральные нормы. Стэш называет такие действия короваев «балансированием на грани войны» (англ. *brinkmanship*) (Stasch 2009: 183). В стремлении достигнуть равенства общество короваев постоянно балансирует между состояниями мира и конфликта.

В связи с отсутствием возможности договориться с лидером (по-скольку таковых нет), как я уже упоминала ранее, попытки христианизации не были так успешны, как, например, в горных районах Папуа, где миссионеры начали свою деятельность в 1950-х гг. По рассказам моих информантов, еще в начале 2000-х гг. миссионерам, не оставляющим попытки христианизации короваев, приходилось спасаться бегством от стрел и раз за разом отстраивать здания миссии, уничтоженные поджогами. Даже сегодня верующих христиан среди короваев единицы. При

этом почти в каждой деревне есть свой пастор (как правило, это папуасы из горных районов – дани или лани). Иногда в южные деревни приезжают американские и голландские миссионеры, которые продолжают работать в Папуа.

Особенности расселения и автономность короваев определяют некоторую социальную изоляцию, в связи с которой новые знания и практики, проникающие извне, распространяются и принимаются медленней, чем в папуасских обществах, традиционно живущих большими группами. Однако в последнее десятилетие произошло включение коровайского сообщества в политический и социальный контекст индонезийского государства (в основном в связи с попытками осуществления правительственных программ по развитию провинции Папуа). Правительственные дотации (субсидии) послужили стимулом для формирования самими короваями новых деревень, что повлекло за собой изменения в повседневных практиках, пищевых привычках и предпочтениях. В 2019 г. в части населенных пунктов появился ограниченный доступ к интернету, а с ним и к самой разной информации, которая поступает в основном от знакомых (что связано с особенностями использования короваями этой новой возможности – не для поиска информации, а для общения через социальные сети).

Индонезийские деньги встроились в экономику короваев как еще одна составляющая выплаты за невесту и компенсаций за материальный или моральный ущерб вдобавок к свиньям и ожерельям из собачьих клыков, которые продолжают выполнять функцию валюты и сегодня. Кроме выплат и компенсаций крупные суммы денег тратятся на обучение детей в городских школах в надежде, что через них их родственники получат доступ к благам городского мира. Еще одна категория расходов – удобные и престижные потребительские товары фабричного производства. Среди таких товаров большую долю занимают одежда, табак, фонарики на батарейках, зажигалки, лапша быстрого приготовления, мыло и рис. Однако доступ к деньгам извне имеют далеко не все короваи. Их можно либо добыть прекарным трудом в городах, терпя дополнительные лишения вдали от ресурсов своей земли и сети социальных отношений, либо работой с туристами – чужаками, которых сегодня короваи называют *olan tulis* (от индонезийского *orang* – человек, *turis* – турист), *tulisanop* (кор. *уанор* – человек) или просто *tulis*.

Культура короваев как туристический аттракцион

Слава о короваях как о недавно «открытых» несговорчивых, опасных каннибалах, живущих на деревьях, постоянно подогревает интерес журналистов, туристов и других искателей приключений. За пределами своей земли короваи быстро получили известность благодаря фоторепортажам и фильмам. Сначала это были крупные СМИ, такие как

National Geographic, BBC и Discovery, передачи о приключениях и путешествиях из разных стран. Образы, представленные в этих фильмах, укрепили стереотипы о короваях как о нетронутых цивилизацией людях «каменного века», строящих дома под самым небом. Поскольку за прошедшие десятилетия интерес к короваям не угас, помимо состоятельных туристов, с развитием интернета за материалом поехали представители новых поколений съемочных групп.

Начиная с 1990-х гг. лес короваев посетил значительное количество таких чужаков, достаточно для того, чтобы его жители определили им место в своем мире и выстроили отношения с ними в свою социально-экономическую систему. В категорию *tulis* включаются любые чужаки, время от времени приезжающие к короваям, вне зависимости от целей и этнической принадлежности. По мнению Стэша, короваи воспринимают туристов как некую этническую общность (Stasch 2016), обитающую в больших городах, наполненных всевозможными материальными благами, а именно вещами и деньгами. Добавлю, что короваи различают иностранных или индонезийских туристов по месту, откуда они прибыли, при этом не придавая значения разнице между городами, регионами, государствами – Джакарта и Бали, Джаяпура и Макаassar, Россия и Корея, Германия и Америка. Деревня, город и страна пока различаются для короваев лишь масштабом и объемом доступных материальных благ, а известные им топонимы обозначают воображаемые места за пределами леса, откуда стекаются чужаки.

Для короваев «большие тела» туристов¹¹, их огромные рюкзаки, наполненные множеством вещей, являются подтверждением нескончаемого изобилия мира, откуда они пришли. Передачу туристами денег и вещей короваи понимают как подтверждение жалости к себе. Идея, согласно которой туристы приезжают, чтобы делиться, исходит из коровайского эгалитаризма. Так поступают они сами, испытывая сочувствие к тем, кому чего-то не хватает, например к сиротам (Stasch 2009: 164). Согласно этой логике, короваи объясняют и поведение туристов. Существует распространенное представление, что умершие родственники отправляются жить в большие города и посылают оттуда туристов помогать живым (см. также: Stasch 2023). Если кто-то нарушает баланс тем, что не хочет делиться, это может вызвать возмущение и гнев.

Для короваев готовность платить вещами или деньгами за социальные отношения является признанием их ценности, а требование оплаты – проявлением желания установить эту связь. Туристы же часто считают оплату деньгами прискорбным побочным эффектом их взаимодействия с короваями, если они вообще знают об оплате (иногда они остаются в неведении, а сделки совершают гиды, например во время туров «первого контакта»). Они могут считать, что товарно-денежные отношения «испортят» короваев или разрушат их культуру. Туристы могут

не знать, что традиционная одежда, которая воспринимается ими скорее как отсутствие одежды, уже почти полностью вытеснена более удобными и престижными для подавляющего большинства короваев шортами и футболками. Для семьи, принимающей туристов в лесу, это привычное, сформированное когда-то при взаимодействии с туристами и гидами условие – не появляться в фабричной одежде перед гостями, поскольку короваи знают, что те приехали смотреть на их традиционную культуру.

Каждая сторона, по мнению другой, живет в мире, где все есть для счастливой жизни. Дары природы, т.е. все необходимое, «просто есть» в лесу, так же как деньги и вещи «просто есть» в городах (см. также: Stasch 2016). Обе стороны могут не осознавать того, что, как правило, для выживания и тем более благополучной жизни в каждом из миров нужно много работать.

Не все короваи напрямую включены в экономические отношения с приезжими. Общий план действий и выбор маршрута на территории короваев – это ответственность гидов, у которых выстроены более или менее надежные связи с определенными коровайскими семьями. Именно к таким проверенным людям, с которыми уже есть опыт успешного сотрудничества, и ведут туристов и съемочные группы. Гиды, регулярно сопровождающие группы к короваям, говорят и на индонезийском, и на английском языках и выступают посредниками, регулирующими взаимодействие. Они учитывают желания и надежды обеих сторон, знают местные правила. Однако сами могут за глаза упрекать короваев в зависти и жадности, тогда как для короваев эти чувства – лишь ответная реакция на неравное распределение материальных ценностей.

Здесь нужно остановиться подробнее на том, как проходит типичное взаимодействие короваев с гостями. Туристы обычно приезжают на три-пять дней, съемочные группы – в среднем на две недели, в течение этого времени и тем и другим необходимо увидеть что-то интересное из жизни короваев, но в обычный будний день как будто ничего не происходит – короваи либо разбредаются по своим делам, либо отдыхают в домах, куда туристы не могут попасть без приглашения. Поэтому у гидов в отношениях с короваями выработана привычная схема действий, следуя которой, и гости, и хозяева остаются удовлетворены. Все эти действия обобщаются словом *aktiviti* (малайским с латинским корнем), которое можно перевести как «деятельность», «мероприятия» или «работа». Это коммодификация привычной жизненной деятельности, которая происходит в присутствии туристов. Обычно коровайская семья по просьбе гида в сопровождении гостей на несколько часов идет в лес, валит там саговую пальму и добывает из нее саговый крахмал.

Если туристы появляются в то время, когда запас саго исчерпан, то короваи совмещают запланированную деятельность по его добыче с

aktiviti. Однако если в доме уже достаточно саго и семья не собиралась идти за ним, короваи все равно осуществляют эту деятельность для гостей. Кроме того, при туристах можно собрать в лесу насекомых для еды, устроить рыбалку или охоту одним из традиционных способов и даже построить дом. Гости часто не знают, что короваи могут выполнять эту работу в их присутствии не только благодаря удачному стечению обстоятельств, как им обычно рассказывают гиды, но и потому, что именно этого от них ожидают¹². Туристы видят в этом «закулисье»¹³ культуры «архаического человека», то самое подлинное, ради чего они приехали.

Взаимодействие короваев и туристов отлажено и обычно проходит успешно – туристы приезжают и уезжают, фильмы и передачи про путешествия снимаются десятками. Однако здесь я предлагаю рассмотреть конфликтную ситуацию, которая так и не была урегулирована.

Во время нахождения в поле среди короваев я жила в нескольких семьях, принадлежащих к разным кланам, в их лесных и деревенских домах и перемещалась вместе с ними. Результатом постоянных передвижений по территории короваев стало знакомство с более чем двумя сотнями человек и возможность наблюдения социальных отношений в разных контекстах. Случай, о котором пойдет речь далее, произошел на земле одной из коровайских семей. Я наблюдала связанные с этим конфликтом события и косвенно участвовала в них во время моего пребывания у короваев в 2014, 2015 и 2016 гг. и затем продолжала наблюдать за его развитием удаленно (периодически получая новости из Папуа и отслеживая информацию, связанную с канадским проектом).

История Они и Г.

Главное действующее лицо этой истории – Они Валуф. На момент начала описываемых событий он жил попеременно то в деревне, то в лесу, как и многие другие короваи¹⁴. У Они и его родственников имелись дома в деревне на берегу реки Эйланден, но большую часть времени они проводили на своей земле в лесу, где находятся свиньи, огороды и главное – посадки саговой пальмы. Семья Они, кроме него, состоит из его жены и приемной дочери, неподалеку живут два его брата с женами, овдовевшая сестра с маленьким сыном и друг-вдовец с маленькой дочерью. Они – человек средних лет, харизматичный, рассудительный, трудолюбивый и в целом положительный. По-видимому, эти качества и обеспечили ему соответствующую репутацию среди гидов. Как следствие, если в интернет-поисковике сделать запрос на поиск короваев в картинках, то преобладающими по количеству среди найденных изображений людей окажутся изображения Они и его окружения.

Другим действующим лицом истории стал канадец, которого я здесь назову Г., – режиссер, сценарист и главный герой придуманного им

фильма, специалист в области коммуникации и, как было заявлено на его сайте, «авантюрист в душе»¹⁵. В декабре 2013 г., находясь в Папуа, Г. спонтанно решил снимать свой полнометражный художественный фильм в лесах Новой Гвинеи в сотрудничестве с короваями, которые по его плану должны были исполнять фоновые роли, а также обеспечить строительство реальных декораций.

Тогда же Г. договорился с гидами о поездке к короваям. Один из гидов – индонезиец с Сулавеси, живущий в районном центре высокогорья Папуа – Вамене, другой – папуас родом из сельской местности в долине Балием. Гиды договорились с Они о постройке пяти высоких домов на деревьях для съемок фильма к маю 2014 г. Место для будущей съемочной площадки находилось на берегу речки в получасе ходьбы от лесного дома Они.

У короваев уже давно сложилось представление о том, какие дома хотят увидеть туристы: они должны быть действительно высокими¹⁶. Поэтому Они и его семья в феврале 2014 г. начали строительство домов высотой около 30 м. Такие высокие дома (*luop / luop khaim*), расположенные в кронах деревьев верхнего яруса леса, – не специальное изобретение для туристов. Однако именно их интерес и желание увидеть эти строения побуждает короваев возводить их снова и снова (Comaroff, Comaroff 2009). Для постоянного жилья такие дома не строятся – это неудобно и рискованно, но зато оттуда можно обозревать простор над кронами деревьев, образующими сплошной полог.

Высота жилых коровайских домов на деревьях (*khaim*) обычно не более десяти метров. Для их постройки дерево твердой породы срубается на нужной высоте, и его ствол используется как основание дома. В климатических условиях дождевого тропического леса постройки быстро ветшают, а при том, что короваи строят свои дома высоко над землей, даже при регулярном ремонте, использование старых домов становится опасным для жизни. Смена места и дома в связи с его естественным старением требуется приблизительно раз в пару лет. Однако причиной переезда может стать смерть члена семьи, череда необъяснимых болезней или пожар. Так, на протяжении 4 лет через каждые 8–9 месяцев я, возвращаясь в поле, ни разу не застала семью, с которой раньше жила, на ее прежнем месте. Очень высокие дома разрушаются еще быстрее из-за ветров, но они и не предназначены для столь же активной эксплуатации, как жилые дома.

Зимой 2014 г. я была у короваев и наблюдала начало строительства домов для канадцев (рис. 1). Были выбраны несущие деревья, расчищена земля, заготовлены жерди и ротанговое волокно для связывания конструкций и установлен первый дом. Они переживал, что надо успеть к маю, и работал с утра до вечера, страдая от боли в спине. Все взрослые

мужчины и многие дети работали тогда на стройке, а женщины были заняты добычей еды. По мере приближения срока сдачи проекта к строительству подключалось все больше людей, в итоге в нем принимали участие пятьдесят три человека.

Рис. 1. Они создает каркас первого дома *khaim*. Четвертый день от начала строительства. Февраль 2014 г. Фото автора

В июне 2014 г. Г. со съемочной группой приехал к короваям, как и обещал. Я не присутствовала при этих событиях и узнала о них из публикуемых материалов канадского проекта. Команда тем летом начала кампанию по сбору денег и была очень активна в онлайн-пространстве. Так я узнала о том, что дома достроены и группа приезжала, а также о том, что им не удалось собрать запрошенную сумму. Все остальное я узнала из подробных рассказов короваев, когда снова вернулась в Папуа. Режиссер был очень доволен результатом строительства, похвалил работников и гидов, заказал дополнительные постройки, заплатил Они пятую часть от оговоренной ранее суммы (за один из пяти готовых высоких домов), снял рекламный ролик будущего фильма и уехал, пообещав вернуться с большими деньгами, расплатиться и снять полнометражный фильм.

Г. предупредил Они, что денег у него нет, но он рассчитывает их получить. Для этого ему нужно поехать в Канаду и найти спонсоров. Коваи отнеслись к этому с пониманием. С одной стороны, ситуация не

выходила за рамки отношений с отложенным возвратом между короваями. К тому же эта ситуация соответствовала их представлению о том, как устроен мир, – деньги у туристов есть, если не с собой, то в «городах». Но с другой стороны, такая договоренность была нетипичной для взаимодействия с туристами. Они объявил, что теперь они с Г. родственники, таким образом переведя его из статуса чужака в статус своего.

Описания подобного создания родственных связей можно найти в коровайских мифах (*wakhatum*). Например, человек заставший чужака, охотящегося на своей земле, будучи вправе убить его, но не желающий делать этого, восклицает: «Ты теперь мой сын!» Так хозяин положения провозглашает, что восстановил порядок, создав социальные отношения, адекватные ситуации. Это один из способов выравнивания, посредством которого устраняется напряжение.

Моральные обязательства, возникающие при обмене с отложенной отдачей, не только соединяют людей на время, но выстраивают историю взаимоотношений, которая сравнима с историей родственных отношений, основанных на реципрокности и совместном опыте.

В свое время Маршалл Салинз представил реципрокность как континуум различных видов обмена, где крайние формы – это генерализованная и негативная реципрокность. Генерализованная реципрокность характерна для обмена между людьми, связанными тесными социальными узами, и предполагает одностороннюю помощь. Ответные обязательства при этом остаются неопределенными в количественном, качественном и временном отношении. У короваев это проявляется в отношениях детей и их взрослых родственников, в угощении и гостеприимстве. Пища, предлагаемая в качестве угощения, рассматривается как дар, поэтому дающий не ест ее сам.

Негативная реципрокность проявляется при взаимодействии с чужаками и представляет собой вынужденный обмен, наиболее ярко проявляющийся в бартерных сделках, когда участники стремятся к достижению максимальной выгоды от транзакции и преследуют утилитарные цели, а при максимальной социальной дистанции включает и варианты одностороннего эгоистического присвоения. Коровай в условиях территориального разделения и социальной обособленности постоянно живут в окружении чужаков и «злых людей» (*khenanop*), поэтому большая часть их взаимоотношений выражается форме негативной реципрокности.

Между этими двумя крайними точками в классификации Салинза находится сбалансированная реципрокность. В строгом понимании, эта форма предполагает эквивалентный обмен, который происходит одновременно или в оговоренные сроки между участниками, находящимися на средней социальной дистанции (Салинз, 1999). Нарушение этих условий приводит к разрыву отношений, так как «отношения слишком хрупки, чтобы долго выдерживать несостоявшуюся реципрокность»

(200). В коровайском обществе сбалансированная реципрокность проявляется между людьми, связанными родственными отношениями.

Если применить эту схему к описываемой ситуации, то Г., находясь на максимально отдаленной социальной дистанции, усугубляемой дистанцией пространственной, пребывал вне моральных рамок, обязывающих к сбалансированному обмену. Они перестроил социальную дистанцию между собой и Г. под обстоятельства в соответствии со сложившимися обменными отношениями.

Дэвид Грэбер также отказывается сводить все социальные обязательства к эквивалентному обмену и предлагает модель, в которой выделяет три нравственных принципа, сосуществующих в каждом обществе и лежащих в основе человеческих отношений, – коммунизм, иерархия и обмен. Тип или модальность «коммунизм» предполагает отношения равных по принципу «от каждого по способностям, каждому по потребностям» (Грэбер 2015: 72). У короваев эта модальность, как правило, проявляется, когда те, у кого есть излишки, делятся с теми, у кого их нет, не ожидая отдачи от них в ответ. Такие действия могут быть вызваны любовью, жалостью или требованиями.

Брачные выплаты и компенсации у короваев можно рассматривать через модальность «обмен», предполагающую реципрокность, стремление к равноценности и равенство сторон, что соотносится со «сбалансированной реципрокностью» у Салинза. В действительности путь к равноценному обмену может быть долгим и сложным, но в итоге это создает связи, которые не распадаются даже при достижении баланса.

Отношения «иерархии» в отличие от обмена не предполагают реципрокности ввиду неравенства участников, что подкрепляется прецедентной логикой, когда одна сторона ожидает от другой односторонней передачи на основании предыдущего опыта (Грэбер 2015: 83–86). Такой тип отношений наиболее близок к взаимодействию короваев с туристами с точки зрения туристов. С точки зрения короваев отношения с туристами, вероятно, лежат в рамках первого типа моральных обязательств, поскольку односторонняя передача денег и вещей для них является механизмом реляционного выравнивания.

Так или иначе, когда у Г. не оказалось денег, привычное в отношениях с туристами выравнивание оказалось невозможным. Асимметрия усугублялась зависимым положением Г. на земле Они. То, что реципрокность подразумевает равенство сторон (Грэбер 2015: 78–82), может дать еще одно объяснение, почему Они изменил регистр социальных отношений с Г. Таким образом проявляется стремление короваев к равенству, что обеспечило бы искомый баланс через справедливое распределение материальных ценностей, которыми обладает Г., так как равноценный обмен и отношения родства у короваев неразрывно связаны.

В июле 2014 г. команда проекта запустила сбор денег на краудфандинговой платформе, планируя собрать таким образом значительную сумму и снять фильм за год. Г. положился на социальное финансирование, не рассчитывая получить государственное. Также уже после своего отъезда Г. заказал через гидов традиционный коровайский праздник. Он подчеркнул, что праздник нужен не демонстрационный, когда валяются одна-две пальмы для туристов, а *настоящий*.

Коровайские праздники (*gil*) – это традиционные пиры, устраиваемые каждым кланом приблизительно раз в пять – десять лет, что обусловлено циклом роста саговой пальмы. На большие праздники созываются сотни людей из десятков других коровайских кланов и даже соседних этнических групп. Для подготовки угощения валяются сотни саговых пальм. *Gil* выполняет важную функцию в поддержании горизонтальных социальных связей, в том числе между кланами, находящимися в напряженных отношениях. Приготовления начинаются за несколько месяцев. Нужно расчистить участок леса, создать специальное длинное, стоящее на земле строение для праздника (которое называется *gil*, как и сам праздник). В нем проходит кульминация праздника, которая длится сутки. В дополнение ко всему строятся маленькие домики (*khau*) для размещения гостей, которые, как и главная постройка, не предназначены для других целей и остаются месте до тех пор, пока не сгниют и не будут поглощены джунглями. Одновременно с работами по строительству нужно срубить пальмы, заготовить саго и обеспечить условия, при которых в поваленных саговых пальмах будут развиваться личинки из яиц, отложенных красным пальмовым долгоносиком. Каждый этап подготовки требует слаженной коллективной работы, а назначенная дата не может переноситься, иначе личинки превратятся в жуков и улетят¹⁷.

Иногда для больших (10–15 человек) интернациональных групп, которые могут формироваться всего раз в год, отдельные гиды предварительно договариваются с некоторыми кланами об имитации «праздника саговой личинки». На эти постановочные праздники собирается больше коровайского народа и заранее рубится несколько саговых пальм для того, чтобы развести в них личинок. Вероятно это имел в виду канадский режиссер, когда говорил, что ему для фильма нужен не такой, а «настоящий» праздник. Таким образом Г. отверг стандартную «постановочную аутентичность» (Макканелл 2016) с целью создания и управления своей, масштабной.

При этом для короваев порядок приготовления пира понимается как естественный, они руководствуются сроками, «назначаемыми» природой. Люди могут лишь запустить процесс, который невозможно остановить, будь то рост пальмы, метаморфоза насекомого или процесс гниения. Г. же

руководствуется западным, рыночным, пониманием отношений заказчик – подрядчик, где заказчик не только запускает процесс, но может как поторопить, так и внести изменения или «заморозить» проект.

Долговые отношения у короваев

В следующий раз я приехала в коровайский лес через девять месяцев, в начале 2015 г. Придя на место, где в предыдущем году только начиналось строительство, я была действительно впечатлена масштабами преобразований. По берегам речки возвышались пять домов *luor* и дом на дереве *khaim*. Чуть поодаль были построены восемь небольших домиков (*khau*) для съёмочной группы и персонала, затем – туалеты, еще дальше располагались «кухня», два укрытия для генератора и большой отдельно стоящий на земле дом, построенный персонально для Г. по его специальному заказу. На другом берегу находился *gil*. Кроме того, были сооружены три моста через реку и деревянные настилы, соединяющие между собой постройки (эти дорожки из жердей были сделаны для участников съемок – не короваев, которым небезопасно было бы передвигаться по земле и по бревнам), и, наконец, на значительном удалении вертолетная площадка, расчищенная от леса и плотно выстланная жердями. Все это было построено без какой-либо оплаты вперед или гарантий этой оплаты. Более того, строительство продолжалось даже после того, как Г. вместо обещанной суммы отдал лишь пятую ее часть.

Ситуация, описанная выше, провоцирует наивный вопрос: неужели подобное поведение – это результат простодушия людей, не имеющих представления о «правилах игры»?

Марсель Мосс в своей классической работе «Очерк о даре» рассмотрел систему договорного права и экономических отношений в традиционных и современных обществах и обратил внимание на то, что дар, который кажется проявлением свободного выбора, на самом деле встроен в систему социальных отношений и по сути своей принудителен и небескорыстен. Мосс говорит о трех ключевых обязательствах дарообмена: давать, принимать и возмещать дары. То есть сторона, принявшая дар, тут же оказывается в долгу, пока не сделает ответный подарок (Мосс 2014).

Отложенная реципрокность вписывается в картину привычных экономических отношений короваев друг с другом. Грэбер показывает, что долг представляет собой основу социальных отношений, и что до появления современной рыночной экономики и капитализма он был тесно связан с моральными нормами, взаимными обязательствами и социальной ответственностью. Долг в докапиталистических обществах способствовал созданию и укреплению связей между людьми (Грэбер 2015).

Как и во многих меланезийских обществах, у короваев отношения измеряются через уравнивающие действия (*kholopamo*) и компенсации

(*kholofudamo*). Через взаимные дары определяются социальные связи. Через требования и компенсации они устанавливаются. Взаимоотношения короваев и туристов я тоже рассматриваю в рамках систем дарообмена и реципрокности и не провожу границу между товаром и даром (Gregory 2015). Также в данной ситуации я не разделяю моральные обязательства и денежный долг (Гребер 2015).

Требования компенсаций или возвращения долга и усилия по его возвращению составляют большую долю жизненных забот короваев. Долговые обязательства, растянутые во времени, являются социальным клеем, скрепляющим людей, живущих разрозненно и автономно. Это то, что заставляет их думать друг о друге, опасаться друг друга, просить друг у друга помощи. В отсутствие политической иерархии это приобретает особый смысл. Каждый коровай стремится снова привести это некомфортное состояние в состояние равновесия, равенства, но длится оно недолго – погашенный долг сменяется следующим.

Самые крупные долги у короваев – это долги за жену. Сумма обычно так велика, что редко кто может выплатить ее сразу. Наравне с выплатами за женщин большую часть в социально-экономической жизни короваев занимают компенсации за умерших. Требования о возмещении утраты предъявляются людям, которые жили вместе с покойным, теми, кто видел его лишь время от времени (см. также: Stasch 2009). Помимо этого, существуют и другие виды компенсационных выплат, например за убийство или за случайно подстреленную домашнюю свинью.

Сделки по выплате компенсаций всегда сложны, неопределенны, противоречивы и практически трудноосуществимы, поскольку требования, вызванные сильными чувствами, часто превышают реальную платежеспособность. К помощи в покрытии долга призываются родственники. Требования могут меняться как в большую, так и в меньшую сторону. Нет никаких общепринятых устойчивых порядков на этот счет, кроме того, что люди вправе делать то, что они хотят (Stasch 2009). Отложенная реципрокность усложняет расчет эквивалентного возврата, так как «время изменяет ценность объектов и восприятие отношений» (Peterson 1993: 864). Долг может ослабевать или крепчать с течением времени. Или даже возникать спонтанно как будто на пустом месте.

Приведу один пример. Один из знакомых мужчин когда-то женился на красивой здоровой женщине, которая родила в браке троих детей. За жену мужчина расплатился окончательно. И вот, когда старшему сыну было уже лет пять, пришли родственники жены и сказали, что требуют дополнительной платы, что повергло мужчину в уныние, но ему и в голову не пришло сопротивляться их решению. Можно подумать, что это несправедливо. Но не с точки зрения короваев, для которых это событие не выходит за рамки их родственных и долговых отношений. Выплата была сделана только за женщину и ее потенциальную возможность

родить детей другому клану, но теперь, когда дети родились и подросли, размер выплаты может быть пересмотрен. Старшие родственники вырастили её такой выносливой, что она не только не умерла при первых родах, что бывает нередко, но и не умер ни один ребенок. Теперь родственники скучают по ней, ощущают недостачу и требуют компенсацию.

Неудовлетворенные запросы вызывают гнев, который по своей сути является началом движения в сторону укрепления отношений, так как со временем может повлечь за собой выплату. Пережитое напряжение лишь повышает ценность отношений в случае удачного исхода, который не всегда возможен. Если погашение долга слишком затягивается, по мнению ожидающей стороны, то это может перерасти в открытый вооруженный конфликт. Возмущение несправедливостью и насилием считаются уместными по отношению к должнику, и его задача – исправить ситуацию. Сторона, к которой предъявляются требования, оказывается в уязвимом положении. Кредиторы время от времени могут напоминать о долге, требовать его в разной форме – от нанесения намекающих тягостных визитов до прямых требований, угроз и предупредительных ранений. В случае с канадцами короваи совсем потеряли из виду своих должников, но отношения были уже установлены, и та нить, которая связывала их, со временем не ослабевала, а только натягивалась.

Долг Они: урегулирование неравенства

Пока я гостила у Они, обнаружила, что неурегулированная ситуация с канадским долгом активно обсуждается, градус недовольства растет. Они сказал, что уже не может смотреть людям в глаза. Потеря лица нарушает равновесие. Фактически договоренность заключалась между Г. и Они, поэтому именно Они нес ответственность перед всеми, кто помогал ему в строительстве, и именно он испытывал на себе давление сообщества, требующего оплаты выполненной работы. С учетом дополнительных построек, возросшего числа помощников и других обстоятельств, включающих и длительное ожидание, оговоренная сумма уже не считалась достаточной. По мере того как образ Г. растворялся во времени, долг его все большим грузом ложился на плечи Они (рис. 2).

При совместной работе задействуются социальные сети и требования могут предъявлять даже те люди, которые не участвовали в строительстве непосредственно, но по каким-то причинам считают себя причастными и требуют справедливого распределения средств (ср.: Kirsch 2001). Коровайи выполнили свою часть договора, дополнительные дома строились как очередной ход в запущенной цепи обмена. И ответным ходом должен был стать приезд Г. с очередной порцией благ. Нужно было что-то делать, как-то материализовать Г. Тогда Они и соратники составили план, который заключался в следующем: дожидаться приезда канадцев,

привести их на место съемки, окружить, вооружившись луками и стрелами, и потребовать справедливого расчета, угрожая расправой. После обсуждения всех подробностей этого предприятия ситуация заметно смягчилась.

Рис. 2. Они Валуф. Февраль 2015 г. Фото автора

Для короваев такое поведение не предосудительно с моральной точки зрения, напротив, это один из способов восстановить равновесие в своем мире, который, благодаря стечению обстоятельств, еще не растворился в мире капитализма. Насилие идет рука об руку с долгом не только в капиталистической экономике, когда без угрозы насилия нет долга (Гребер 2015). Прием, который короваи собирались применить к ничего не подозревающим канадцам, напав на них в лесу, – это привычный способ вести дела. Перманентное напряжение сосуществует с желанием избежать вооруженных конфликтов, которые, безусловно, являются стрессом для общества, но в то же время и приемлемым выпуском «пара». На земле короваев нет силовых структур – армии или полиции. Церковь не имеет большого влияния и может воздействовать только разъяснениями и убеждениями. Регулирование порядка происходит в соответствии с нормами обычного права. Если долг погашен кровью или жизнью, это потребует компенсации, а значит, снова могут возникнуть долговые отношения. При этом такие обменные отношения можно назвать стабильными – с предсказуемыми рисками и понятной схемой ответных мер.

Сейчас вооруженные конфликты со смертельным исходом наблюдаются все реже. Последний известный мне конфликт (о нем мне сообщил информант в переписке) был в 2019 г. из-за неуплаты за женщину – нарушитель справедливости был ранен стрелой из лука, но выжил. Но все же на вопрос «как дела в деревне, в лесу?», в лучшем случае следует ответ: «все мирно». Состояние мира – это то самое равновесное и безопасное состояние, к которому стремятся большинство короваев, а эгалитаризм является его необходимым условием.

В 2015 г. Г. так и не появился, напряжение снова усилилось. В обычной ситуации стороны имеют возможность встретиться и выяснить отношения, что само по себе важно, поскольку даже конфликтная ситуация является проявлением социальных отношений. Неопределенность порождает сомнения. Гиды, которые привезли канадскую группу к Они, стали испытывать трудности в отношениях с короваями, так как те начали подозревать, что гиды все же получили деньги от Г., но не передали их. Чтобы очистить свою репутацию, один из гидов, в свой четвертый после отъезда канадцев приезд, предложил Они поехать к нему домой в Вамену, чтобы оттуда связаться с Г., находящимся в Канаде, дать им возможность пообщаться и выяснить все напрямую (технически через гида посредством звонка по скайпу). В итоге Они предпринял самое дальнее путешествие в своей жизни (почти 300 км на лодке по рекам, затем перелет на самолете через горы в долину Балием), чтобы позвонить в Канаду¹⁸. Разговор состоялся. Г. попросил подождать ещё, объяснил, что все еще ищет деньги на фильм, так как собрал только четверть необходимой суммы, но этого недостаточно, поскольку он хочет приехать с большой группой и снять «большой фильм». Г. также дал указание охранять постройки и никого в них не пускать.

Они убедился, что тот помнит о долге, получил новые обещания и таким образом подтверждение существования этих отношений и их продолжения. Когда-то Г. попросил построить дома, пообещав приехать, затем приехал, заплатил часть денег, попросил добавить строений и подготовить праздник, пообещав приехать снова, – это логически distraивает в воображении Они последовательность событий в будущем. В результате связь между короваями и канадцами была восстановлена, Они и семья остались на месте в лесу в ожидании Г.

В 2015 г. я написала Г. и спросила о его планах, он ответил, что собирается приехать в 2017 г. Я описала напряженную ситуацию в лесу, Г. ответил на это, что все в порядке – ведь он говорил по скайпу с Они.

Взаимное непонимание

К моему возвращению на место съемок в январе 2016 г. весь комплекс сооружений уже начал ветшать, что неизбежно происходит в условиях влажного и жаркого тропического климата, несмотря на то, что короваи

старались поддерживать постройки в хорошем состоянии. При строительстве домов многочисленные жерди, из которых создается основная конструкция, связываются ротангом, и когда он рассыхается и приходит в негодность, пользоваться таким домом становится смертельно опасно. Братья Они заменили ротанг на лестницах и опорах домов, дважды ремонтировали мосты и помосты, которые разрушались природой. Надо сказать, что обычно короваи мостов не строят, а для перехода через внутренние речки используют ствол дерева, поваленного с одного берега на другой. Конструкции, расположенные близко к земле или стоящие в воде, такие как опоры мостов, еще более недолговечны, чем типичные коровайские дома на деревьях. При том, что хозяева постоянно поддерживают в надлежащем состоянии и постройки, и территорию вокруг. Затем, когда семья переходит на новое место, оставленный нежилой дом очень быстро разрушается (рис. 3, 4).

Съёмочная группа не учла эти особенности, а короваи, знающие свои природные условия как единственно нормальные, не могли предположить, что канадцы оттянут свой приезд настолько, что позволят конструкциям сгнить. Постройки представляли собой материальное воплощение отношений с Г., которые ослабевали по мере того, как разрушались строения. Их исчезновение – еще один повод для тревоги и растущего напряжения.

В тот год я слышала много недовольства по поводу всей этой ситуации. Конечно же, мое появление как свидетеля части событий и своеобразного посредника-переговорщика между короваями и миром туристов¹⁹ подняло новую волну разбирательств, но случай широко обсуждался и без моего присутствия. В статье 2016 г. о примитивистском туризме у короваев Стэш упоминает этот конфликт, что свидетельствует о широком бытовании рассказов о нем (Stasch 2016).

Претензии, в которых консолидированы моральные и материальные категории, косвенно предъявлялись ко всей группе канадцев, однако Г. был главным ответственным лицом, так как именно он говорил и давал обещания. В обсуждения, проходившие во главе с Они, были вовлечены два его брата, еще несколько взрослых мужчин, принимавших активное участие в строительстве и переговорах с Г., а также несколько сочувствующих положению Они присоединялись к беседам в разные дни. Ниже приведена реплика Надуса Хома, который присутствовал при договоренности Они и Г. и тоже был занят в канадском кинопроекте:

Мы поверили, потому что Г. заказал и мы все приготовили. Он заплатил недостаточно, но мы не сказали: «ты мало заплатил». Нет. Мы это приняли. Мы тоже понимаем – это вертолет. Мы подумали, действительно, это дорого, потому что у него группа... с вещами. Мы поверили. И мы подумали – ничего страшного. Г. заказал, он пообещал, мы поверили. Но Г. не приехал. Вот так. Ждали, ждали, ждали, ждали, ждали. С тех пор как он обещал личинки уже стали жуками, уже пропали, саго осталось там (на месте *gil*) и уже высохло, дрова так и лежат. Все уже заросло, дома попадали, мосты сломались.

Рис. 3. Высокие дома *luor*, построенные по заказу Г. Февраль 2015 г.
Фото автора

Рис. 4. Съемка с той же точки. Один дом уже обрушился, другой разрушается.
Январь 2016 г. Фото автора

Коровай приписывают туристам поведение, соответствующее собственным представлениям об эгалитарных нормах социального взаимодействия, основанного на обмене. То, что Г. добровольно вступил в долговые отношения, означало, что он ищет связь с короваем и становится ответственным за ее обеспечение.

Давать обещания и брать на себя обязательства – значит создавать равные, уважительные, доверительные условия, необходимые для «моральных» отношений (Shiffrin 2008). На обещание приехать снова с деньгами Он ответил обещанием построить все, что для этого нужно. Если бы Г. попросил о постройке и не приехал во второй раз, то, вероятно, ситуация развивалась бы не так драматично²⁰. Однако Г. вернулся и принял дома. Он их видел, снимал, поднимался, сидел в них и спал в них. Он их одобрил, они ему понравилось. Он установил отношения и принял моральное обязательство их поддерживать.

Непонимание туристами границы между тем, что стало объектом коммодификации, и тем, что является частью важных культурных практик, дополнительно осложнило ситуацию. Запрос на подготовку праздника перевел договор в область традиционных общественных отношений и процессов. Подготовка праздника сопряжена с огромными тратами, которые вкладываются

в поддержание и конструирование социальных связей сообщества. Не приехав на пир, Г. неадекватно себя повел и причинил большие убытки.

Попытки Г. объяснить процессы кинопроизводства в Канаде и свои действия в логике рыночно структурированных экономических отношений не нашли понимания у короваев. Несмотря на то что Г., по его словам, еще не начинал снимать фильм, а снял лишь предварительные «кадры», которые должны были помочь ему получить деньги на свой проект, короваи это видят иначе. В беседах о визите канадцев короваи делали акцент на том, как Они и члены его семьи по просьбе Г. взбирались на дерево, охотились на птиц в традиционной одежде и как туристы это снимали. Объясняя короваям трудности, сопряженные с поиском финансирования, Г. лишь подтвердил известное среди короваев обоснование деятельности туристов – они получают деньги за фильмы и фотографии. Г. рассказывал, что занимался подготовительной работой, включающей договоренность с короваями о постройке домов, поездку в Папуа, съемку материала для предъявления продюсерам и спонсорам, «обивание порогов» в поисках средств. Для короваев все это не считается работой. Работа – это непосредственная добыча пищи или строительство домов, а поглощение визуальной информации, чем занимаются гости во время своего визита, – это то, чего они хотят и что получают.

Рис. 5. Они Валлоф на разрушающихся мостках, которые должны были служить тропинками съемочной группе. Они продолжает контролировать зарастание этого места, подрезая молодые растения. На заднем плане видны остатки разрушенного моста и первый построенный дом *haim*, в который уже опасно подниматься, несмотря на внешнюю целостность. Январь 2016 г. Фото автора

Основные темы дискуссий относительно этой ситуации были следующими: несправедливость, выражающаяся в нежелании Г. делиться (у него много денег, но он не хочет приехать); одностороннее нарушение обещаний (работы выполнены, а долг не выплачен); обман и неуважение (Г. снял фильм при полном содействии короваев, уехал, вероятно получил за это деньги и не вернулся); убытки (разрушенные постройки, срубленные для несостоявшегося праздника пальмы и умершая свинья, не дождавшаяся туристов); дополнительная тяжелая и напрасная работа (ремонт домов и других сооружений) (см. рис. 5); отношения Они с людьми (Г. поставил его в положение должника, что болезненно нарушает иерархию) и, наконец, расчёт денежной суммы, которую с учетом всех обстоятельств необходимо требовать с канадцев.

Формирование долга

При одном из обсуждений сложившейся ситуации присутствовал коровайский учитель, который, выслушав озвученные претензии, структурировал и зафиксировал все убытки, переведя их из слов в конкретные цифры на бумаге. Моральные обязательства становятся долгом, когда определяются количественно и выражаются в цифрах (Гребер 2015).

Я была свидетелем того, как формировалась сумма долга. Заранее с Г. была оговорена цена только за пять высоких домов, все остальное строилось без конкретной договоренности. Помимо самих построек учитывался труд по их поддержанию, ремонту и компенсации ущерба. Логике включения в счет умершей свиньи непросто понять, если не принимать в расчет роль домашних свиней в экономике короваев (см. также: Kirsch 2001). С точки зрения европейца, свинья не пропала даром, ее съели, а ее смерть была непредвиденным обстоятельством. Но домашние свиньи у короваев предназначены для использования в качестве компенсаций, например в связи со смертью родственника или как выплата за невесту. Возможно, если бы та свинья не была «отложена» в ожидании приезда канадцев, то была бы передана кому-то в качестве компенсации до ее смерти.

Большие суммы, которыми оперировали короваи, были для них отчасти абстрактными. Мужчины погибали пальцы и прибавляли миллионы к миллионам. Цены рассчитывались с опорой на опыт и логику, с учетом количества объектов. Так, например, за *aktiviti*, во время которого срубается саговая пальма и семья идет разделять ее вместе с туристами, когда-то была установлена цена в 2 миллиона индонезийских рупий. Пальма разделяется в течение почти целого дня, полученным саго можно питаться в среднем две недели в зависимости от количества членов семьи. Исходя из этого, можно сделать вывод, что цена назначается

именно за *aktiviti*, поскольку сама пальма не является товаром, не отчуждается и съедается в дальнейшем семьей. Но, как выяснилось, такая интерпретация не верна. Когда короваи подсчитывали ущерб за несостоявшийся праздник, они умножили 61 напрасно срубленную пальму на те же привычные 2 миллиона, но в этом случае не было ни показательной деятельности, ни саго, добытого из пальм. Пальмы были подготовлены для разведения в них личинок. Это действительно серьезный ущерб, и здесь уже оцениваются личинки, которые пропали из-за невыполнения Г. обязательств, и сами пальмы, а точнее, то, что их срубили и больше они не растут. Восьмилетняя свинья, как принято, оценивалась по количеству лет, которые за ней ухаживали.

Так или иначе, общий долг получился значительный. Но несмотря на тщательный подход к оценке стоимости построек, мостов, саговых пальм и прочего, вердикт, озвученный Они, не совпал с цифрами, которые учитель аккуратно записывал со слов участников обсуждения. В папуасских системах счета количество является выражением качества. Поэтому за внешним определением ценности каждого объекта стоял совсем другой смысл – их перечисление и подсчет. Как элементы целого они составили единицу, эквивалентную одному миллиарду. Для равноценного обмена единица обменивается на единицу, дар на дар, поскольку предметом обмена могут быть лишь единицы одного и того же порядка (Strathern 1992: 182–185). Однако в дополнение к миллиарду Они потребовал большой генератор. Этот ход можно рассматривать как стремление создать «тень задолженности» (Салинз 1999: 203), т.е. сделать обмен неравным, отличающим его от бартера и, следовательно, содержащим потенциал на продолжение отношений (Peebles 2010). Таким образом, долг канадцев воспринимался короваями в рамках логики обменных, а не товарно-денежных отношений.

Через несколько дней после подсчетов один из братьев Они признался мне, что давно раздумывает о принятом решении, переживает и боится, поскольку итоговая сумма оказалась так велика, что ее не может быть даже у правительства, не то что у одного человека (с учетом всех его социальных связей). Эти терзания были вызваны опасением гнева со стороны должников и неуверенностью в том, что баланс может быть восстановлен.

Заключение

Ситуации, подобные этой, обычно не возникают с туристами. Чужаки, как правило, превосходят короваев по количеству денег и вещей, но компенсируют это тем, что делятся в обмен на гостеприимство хозяев

земли. Случаются столкновения, когда одна сторона разочарована действиями другой, но обычно они разрешаются немедленно при помощи гидов.

Руперт Стэш, исследовавший взаимодействие короваев с туристами в контексте их взаимной инаковости, поднимает вопрос, как при таком искаженном стереотипном восприятии друг друга и своих отношений их взаимодействие все же проходит успешно. Он предлагает три возможных объяснения этой «загадки»: совпадение, позволяющее сторонам взаимодействовать, не осознавая ошибочных представлений друг о друге, и при этом получать друг от друга то, что они хотят; товарно-денежные отношения как ключевой фактор²¹, благодаря которому взаимодействие становится возможным, несмотря на все различия; потенциальная готовность сторон к недопониманию, которое может между ними произойти (Stasch 2016). Все эти объяснения имеют под собой основания. Однако в данном случае Они и его окружение оказались не готовы справиться с ситуацией, выходящей за рамки стандартного взаимодействия с чужаками, которая возникла из-за того, что Г. вступил с короваями в долговые отношения.

Конфликт между короваями и канадцами показывает, что взаимодействие может оставаться успешным до тех пор, пока оно происходит в форме немедленного взаимного обмена. Обычно туристы проводят у короваев короткое время, что исключает возможность отсроченного возврата и выплата происходит сразу – в течение нескольких дней, пока группа не уехала.

Хрупкий, почти случайный баланс между этими двумя системами нарушился, когда увеличилось время между обмена и установились долгосрочные отношения. Сбой произошел при вынужденном переходе к сложной форме отложенного обмена, и, таким образом, отношения стали развиваться по традиционной для экономики короваев схеме, что потребовало применения уравнивающих мер. Система, которая казалась отлаженной, не справилась, механизмы урегулирования, применяемые короваями, не сработали, так как Г. находился за пределами их системы и действовал в рамках своей логики.

Для короваев установленная связь существует вне времени, географического местонахождения, отношений кровного родства и т.д. Тогда как, с точки зрения Г., эта связь привязана к определенному хронотопу, а также ситуативна и не важна вне фокуса собственных интересов. Ожидаемый ответный ход от него затянулся так сильно, что материальные свидетельства договоренности стали исчезать. При невозможности восстановить нарушенный баланс короваям пришлось подвести черту, разорвав связь с Г.

Ультиматум, поставленный канадцам, красноречиво говорит о значении социальных отношений для короваев. Отсечение возможности взаимодействия для стольких людей – несомненно, крайняя мера. Тот, кто

не имеет связей, не имеет ничего: не может чувствовать себя в безопасности, без риска для жизни пройти по лесу, переночевать в дороге, получить помощь, оказавшись в сложной ситуации. Предъявление требований и их удовлетворение компенсируют пространственное разделение и поддерживают далекие межлокальные связи. Социальная разрозненность короваев уравнивается обязательствами быть взаимосвязанными через долговые отношения.

Угроза не пускать никого из канадцев на свою землю есть не что иное, как разрыв отношений (в том числе экономических) не с одним лишь Г., но со всем канадским сообществом. То, что Они отвечает перед другими, несмотря на его автономию, а за Г. будут отвечать все канадцы, показывает, что отношения, с точки зрения короваев, представляют собой прочную обширную горизонтальную сеть, а не единичные связи, возникающие и исчезающие по мере активации потребностей. Она предполагает, что между людьми в «городах» существуют такая же паутина связей и взаимных обязательств, как и у короваев.

Однако помимо угрозы санкциями в послании короваев канадцам проявляется готовность к возобновлению мирного взаимодействия, несмотря на напряжение в настоящем. Урегулирование ситуации в какой-то момент в будущем позволит возобновить отношения и продолжать их на равных. Ответственность для короваев заключается не в том, чтобы вовремя отдавать долги, а в том, чтобы быть способными устанавливать, поддерживать и сохранять отношения, не нарушая при этом ничью автономию.

На момент написания этой статьи Г. так и не приехал к короваям. Несмотря на всю привлекательность короваев как «экзотического другого», они не единственное предложение на рынке примитивистского туризма. Сегодня Г., помимо своей основной деятельности в сфере психологии человеческих отношений и коммуникации, продолжает работать над созданием фильмов об «исчезающих культурах». Он снял документальный сериал о «последних кочевниках» среди восьми народов от Африки до Средней Азии. Коваев среди них нет. Своему опыту этих отношений он нашел применение в другом русле²².

Они покинул место несостоявшихся съемок и отношений, когда постройки разрушились, переехал на берег большой реки и основал там свою деревню, где и живет сейчас. Они и его семья снабдили меня самой подробной информацией об их тяготах и разочарованиях и попросили передать их слова канадцам. Весной 2016 г., вернувшись от короваев, я написала Г., рассказала, что постройки гниют, что короваи недовольны столь длительным ожиданием и неопределенностью. В конце я передала послание от короваев, с которого начала этот рассказ.

Отвечая на мое последнее письмо, Г. написал, что в самом худшем случае, даже если он не найдет финансирование на фильм, то скоро придет, чтобы вернуть долг и сохранить добрые отношения с короваями.

В том же письме он попросил меня «больше не играть роль посредника в этой саге».

Примечания

¹ Ударение ставится на «о».

² В 2022 г. территория индонезийской провинции Папуа была разделена на три новые провинции – Центральное Папуа, Горное Папуа и Южное Папуа. Далее в тексте я буду употреблять слово «Папуа» как название региона и как прежнее название провинции, где происходили описываемые события.

³ Здесь и далее имеется в виду языковая граница.

⁴ Речь идет именно о регулярных контактах некоторых кланов короваев с миссионерами. Весть о «светлокожих демонах» разнеслась на несколько лет раньше в результате случайных столкновений отдельных короваев с голландскими геологами и их индонезийскими помощниками, которые проводили разведку к югу от территории короваев. Геологоразведка этой местности не дала результатов, которые могли стать основанием для развития инфраструктуры.

⁵ Первым исследователем, который стал заниматься короваями, был голландский лингвист Лоуренс де Фриз. Он изучал языки группы Авью-Ндумут (к которой принадлежит и коровайский язык) в период с 1982 по 1991 г. и прожил в деревне Янирума в общей сложности более двух лет. В 1997 г. вышла книга Лоренса де Фриза и миссионера Геррита ван Энка (Enk van, Vries de 1997), которая содержит основную информацию о культуре короваев, а также базовый словарь, который помог мне в начале моей работы в этом регионе. В 1995 г. начал проводить исследования среди короваев американский лингвистический и социокультурный антрополог Руперт Стэш. В 2009 г. была издана его книга «Общество других», в которой на богатом этнографическом материале автор раскрывает особенности социальных отношений короваев (Stasch 2009).

⁶ Я буду употреблять слово «клан», подразумевая основную единицу социальной и политической организации короваев – *gip*, что с коровайского можно перевести как семья, клан, род или тип. Принадлежность к определенному клану предполагает владение определенной родовой (клановой) территорией (*bolup*), переходящей от отца к детям. Связь с общим местом является основополагающим фактором в отношениях родства (Enk van, Vries de 1997, Stasch 2009).

⁷ Здесь и далее курсивом в круглых скобках приведены некоторые коровайские слова и понятия в латинской транслитерации.

⁸ Основная пища короваев – саго – крахмал, добываемый из саговой пальмы. Популяция саговых пальм на территории контролируется хозяевами земли путем регулярного высаживания молодых побегов и массовой вырубki при подготовке к праздникам/пирам. В стволах саговой пальмы короваи разводят личинок красного пальмового долгоносика в скромных количествах для будничного потребления и в огромных количествах как угощение для пиров. Бананы, таро, ананасы и другое владельцы земли высаживают на вырубке под домом или в лесу.

⁹ На данный момент расчищена одна из таких рек, на которой в глубине леса расположена деревня, основанная короваями в 2013 г. Теперь до нее можно добраться на каное.

¹⁰ Коровайи используют в пищу несколько видов дикорастущих растений. Белковый рацион, получаемый путем охоты и собирательства, составляют: пресмыкающиеся, членистоногие ракообразные, пауки и насекомые (как взрослые особи, так и их личинки), рыба, мелкие сумчатые млекопитающие, птицы. Самая крупная добыча – казуары и дикie свиньи (одомашненных свиней используют для выплат и компенсаций).

¹¹ Коровайи в среднем невысокого роста и худощавого телосложения, поэтому они воспринимают туристов как «больших».

¹² Такое ограничение свободы действий и нарушение привычного распорядка приемлемо не для всех короваев, и многие не принимают участие в *aktiviti* просто потому, что не хотят, и денежный стимул в таких случаях не является достаточным.

¹³ Антрополог Руперт Стэш и вовсе предполагает, что короваи воплощают для туристов доступ к закулисью всего человечества (Стэш 2014).

¹⁴ В то время приблизительно треть короваев жили в деревнях и еще треть кочевали из леса в деревню и обратно, остальные оставались в лесу постоянно.

¹⁵ Я никогда не встречалась с Г. Помимо рассказов короваев, информация о нем была почерпнута из открытых источников в сети Интернет и моей переписки с ним, которая велась в 2015–2016 гг. Многие интервью и выступления, где Г. рассказывает об этом кинопроекте и его отношениях с короваями, на сегодняшний день недоступны.

¹⁶ Начало таким ожиданиям приезжих положили образы, представленные в СМИ. Например в сериале компании BBC «Планета людей» 2011 г. в эпизоде о короваях дом высотой около 50 метров, построенный по просьбе съемочной группы, представлен как жилой.

¹⁷ Так и произошло впоследствии с личинками, приготовленными на праздник, заказанный Г. По словам моих информантов было повалено около 60 пальм, которые сгнили в болоте, так и не вскрытые для добычи личинок.

¹⁸ Необходимость ехать так далеко была связана с тем, что ни на территории короваев, ни вообще в указанном районе в то время не было покрытия сотовой сети, в отличие от горного района, где жил Гид.

¹⁹ Для короваев, безусловно, я была представителем того мира «стран» и «городов», где обитают канадцы, хотя они знали от меня, что мы говорим на разных языках, а значит, не так уж близки.

²⁰ Важно отметить, что строительство домов впрямь у короваев не уникальная ситуация. Я знаю случаи, когда дома строились не по просьбе уже прибывшей группы, а на будущее, в надежде, что туристы приедут и посмотрят на них. Бывало, что никто так и не приезжал, и дома просто разрушались. Работа по постройке высоких домов для короваев – инвестиция в то, что туристы приедут и состоится обмен на их деньги и товары. Это можно рассматривать и как «вымогательный подарок», когда одна сущность вызывает другую (Strathern 1992). Однако чужаки такой непрошенный дар могут понимать как проявление щедрости. Разница логики в этом вопросе ведет к недопониманию. Однажды коровайский мужчина, которого я знала уже не первый год, предложил пойти посмотреть высокий дом, который он строит. Я сходила. В итоге по возвращении оказалось, что я должна денег за просмотр, но мои спутники (одним из которых был Они) спасли меня от этого неожиданного вымогательства, приведя в качестве аргументов то, что во-первых, дом еще не достроен, а во-вторых, я в него не поднималась.

²¹ Коваи систематически включают туристов в собственные категориальные системы, и этот случай выявляет то, что обмен с ними (с участием денег или без) не является исключением. Сделки короваев между собой сложны и разнообразны, поэтому для взаимодействия с туристами не требуется введения новой дополнительной формы обмена. То есть посредством товарно-денежного обмена с туристами короваи не переходят к рыночной экономике, а интегрируют туристов в свою экономическую систему.

²² Г. продолжает свою карьеру как специалист в области коммуникации. В своем выступлении на конференции TEDx, доступ к которому уже закрыт, Г. рассказывал, как благодаря его коммуникационным навыкам он смог наладить отношения и договориться с «каннибалами» о сотрудничестве, а именно о строительстве домов. В других интервью он также рассказывает о своем опыте взаимодействия с короваями, подчеркивая их уникальность и изолированность от внешнего мира.

Список источников

Гребер Д. Долг: первые 5000 лет истории / пер. с англ. А. Дунаева. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015.

- Макканел Д. Турист. Новая теория праздного класса / пер. с англ. А. Боровикова, Е. Изотова. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016.
- Мосс М. Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии / пер. с фр. А. Гофман. М.: КДУ, 2014.
- Саллинз М. Экономика каменного века / пер. с англ. О.Ю. Артемовой и др. М.: ОГИ, 1999.
- Comaroff J.L., Comaroff J. *Ethnicity, Inc.* Chicago; Illinois: University of Chicago Press, 2009.
- Gregory C.A. *Gifts and Commodities.* Chicago: HAU Books, 2015.
- Kirsch S. Property Effects. Social Networks and Compensation Claims in Melanesia // *Social Anthropology.* 2001. Vol. 9, No. 2. P. 147–163. doi: 10.1017/S0964028201000118
- Peebles G. The Anthropology of Credit and Debt // *Annual Review of Anthropology.* 2010. Vol. 39. P. 225–240.
- Peterson N. Demand Sharing: Reciprocity and the Pressure for Generosity among Foragers // *American Anthropologist.* 1993. Vol. 95, No. 4. P. 860–874.
- Shiffrin S.V. Promising, Intimate Relationships, and Conventionalism // *Philosophical Review.* 2008. Vol. 117, No. 4. doi: 10.1215/00318108-2008-014
- Stasch R. *Society of Others: kinship and mourning in a West Papuan place.* Berkeley; California: University of California Press, 2009.
- Stasch R. Toward Symmetric Treatment of Imaginaries: Nudity and Payment in Tourism to Papua's «Treehouse People» // *Tourism Imaginaries: Anthropological Approaches* / ed. by Noel B. Salazar, Nelson H.H. Graburn. 1st ed. Berghahn Books, 2014. P. 31–56.
- Stasch R. Dramas of otherness: «First contact» tourism in New Guinea // *HAU: Journal of Ethnographic Theory.* 2016. Vol. 6, No. 3. P. 7–27.
- Stasch R. Anarchists for the State: From Egalitarian Opacity to Anticipating Thoughts of the Powerful // *Ethnos.* 2023. Vol. 88, No. 4. P. 724–748.
- Strathern M. Qualified Value: The Perspective of Gift Exchange. Chapter 7 // *Barter, Exchange and Value: An Anthropological Approach* / ed. by C. Humphrey, S. Hugh-Jones. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. P. 169–191.
- van Enk G.J., de Vries L.J. *The Korowai of Irian Jaya: Their language in its cultural context.* Oxford; New York: Oxford University Press, 1997.
- Woodburn J. Egalitarian Societies // *Man.* 1982. Vol. 17, No. 3. P. 431–451.

References

- Graeber D. (2015) *Dolg: pervye 5000 let istorii* [Debt: The First 5000 Years] / Translated from English by A. Dunaevf. Moscow: Ad Marginem Press.
- MacCannell D. (2016) *Turist. Novaia teoriia prazdnogo klassa* [The Tourist: A New Theory of the Leisure Class] / Translated from English by A. Bоровикова, E. Izotov. Moscow: Ad Marginem Press.
- Mauss M. (2014) *Obshchestva. Obmen. Lichnost'. Trudy po sotsial'noi antropologii* [Societies. Exchange. Personality. Works on Social Anthropology] / Translated from French by A. Gofman. Moscow: KDU.
- Sahlins M. (1999) *Ekonomika kamennogo veka* [Stone Age Economics] / Translated from English by O.Iu. Artemova et al. Moscow: OGI.
- Comaroff J.L., Comaroff J. (2009) *Ethnicity, Inc.* Chicago; Illinois: University of Chicago Press.
- Gregory C.A. (2015) *Gifts and Commodities.* Chicago: HAU Books.
- Kirsch, S. (2001) “Property Effects. Social Networks and Compensation Claims in Melanesia, *Social Anthropology*, Vol. 9, no. 2, pp. 147–163. doi: 10.1017/S0964028201000118.
- Peebles G. (2010) The Anthropology of Credit and Debt, *Annual Review of Anthropology*, Vol.39, pp. 225–240.
- Peterson N. (1993) Demand Sharing: Reciprocity and the Pressure for Generosity among Foragers, *American Anthropologist*, Vol. 95, no. 4, pp. 860–874.

- Shiffrin S.V. (2008) Promising, Intimate Relationships, and Conventionalism, *Philosophical Review*, Vol. 117, no. 4. DOI: 10.1215/00318108-2008-014
- Stasch R. (2009) *Society of Others: kinship and mourning in a West Papuan place*. Berkeley, California: University of California Press.
- Stasch R. (2014) Toward Symmetric Treatment of Imaginaries: Nudity and Payment in Tourism to Papua's "Treehouse People", *Tourism Imaginaries: Anthropological Approaches*, edited by Noel B. Salazar and Nelson H. H. Graburn, 1st ed., Berghahn Books. P. 31–56.
- Stasch R. (2016) Dramas of otherness: "First contact" tourism in New Guinea, *HAU: Journal of Ethnographic Theory*, Vol. 6, no. 3, pp. 7–27.
- Stasch R. (2023) Anarchists for the State: From Egalitarian Opacity to Anticipating Thoughts of the Powerful, *Ethnos*, Vol. 88, no. 4, pp. 724–748.
- Strathern M. (1992) Qualified Value: The Perspective of Gift Exchange. Chapter 7. In: *Barter, Exchange and Value: An Anthropological Approach*, ed. by C. Humphrey, S. Hugh-Jones. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 169–191.
- van Enk G.J., de Vries L.J. (1997) *The Korowai of Irian Jaya: Their language in its cultural context*. Oxford; New York: Oxford University Press.
- Woodburn J. (1982) Egalitarian Societies, *Man*, Vol. 17, no. 3, pp. 431–451.

Сведения об авторе:

БЕЛЯКОВА Екатерина Михайловна – младший научный сотрудник отдела Австралии, Океании и Индонезии, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: belyakova.kunstkamera@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Ekaterina M. Belyakova, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the RAS (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: belyakova.kunstkamera@gmail.com

The author declares no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 23 августа 2024 г.;
принята к публикации 18 декабря 2024 г.*

*The article was submitted 23.08.2024;
accepted for publication 18.12.2024.*